

Валентин Ежов
Рустам Ибрагимбеков

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Е 41

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

© В. И. Ежов (наследник),
Р. М. Ибрагимбеков (наследники), 2026

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

ISBN 978-5-389-31536-5

Издательство Азбука®

Бывший красноармеец Федор Сухов двигался по пустыне походным шагом, оставляя за собой лунки следов, которые горячий ветерок старался побыстрее засыпать песком.

Темные пятна пота на выгоревшей гимнастерке с белым, как иней, налетом соли говорили о том, что Сухов не первый день идет по песчаным барханам, тянущимся от горизонта до горизонта, словно волны застывшего моря.

За спиной у Сухова висел тощий сидор, в руке он нес саперную лопатку с зарубками на черенке, на первый взгляд непонятного назначения. Новенький поясной ремень, широкий, кожаный, с двумя рядами дырочек, не соответствовал рангу рядового бойца, каким еще недавно был Сухов. На одном боку к этому ремню был приторочен малость помятый металлический чайник, на другом — кобура с револьвером; у самой же пряжки с ремня свисал кинжал в ножнах из жесткой кожи, вернее, даже не кинжал, а тяжелый боевой нож.

Солнце поднималось все выше и выше. Кустик полыни застыл метелочкой, не отбрасывая от себя тени. Промелькнула ящерица, царапая песок коготочками, и вновь все замерло, погрузившись в густую жаркую тишину, только под тяжелыми ботинками Сухова равномерно шуршал песок.

Скрываясь за гребнем, извилистой волной проплыла гюрза, блеснув желтой спиной, расчерченной ромбиками...

В звенящей вышине возник пернатый хищник; медленно кружась, он наблюдал за бредущим человеком, затем обратил внимание на скользнувший с кромки бархана желтый зигзаг — змея! Тотчас орел сложил как бы по швам крылья и ринулся вниз, атакуя добычу. Тонкий свист возник в воздухе.

Сухов среагировал мгновенно: выхватив револьвер из кобуры одновременно с поворотом тела, он прицелился в несущуюся к земле птицу, но в последний момент сдержался и, не выстрелив, опустил руку.

Давно перешагнувший военную молодость, когда в боевом азарте он палил из ружья во что попало, Сухов научился беречь боезапас; не раз он попадал в такие переделки, когда верная смерть грозила только из-за того, что в роковой момент ему не хватало всего одного патрона.

Так же давно Сухов положил себе за правило применять оружие только против яв-

ного врага или когда нужно было добыть в пустыне пищу.

Напавший на змею орел ничем ему не грозил, а в пищу годился бы только при одном условии — если бы Сухов умирал с голоду.

Он вложил револьвер в кобуру и, не двигаясь, долго глядел на гребень барханной цепи, за которой скрылся хищник; ждал, когда тот взлетит снова. Орел не появлялся. Тогда Сухов из любопытства решил взобраться на бархан и посмотреть, что там случилось.

Поднявшись на гребень, он в десяти шагах от себя увидел птицу на обрывистом, подветренном краю бархана. Это был довольно крупный орел-змеятник. Сухов медленно подошел к нему. Орел лежал на брюхе, широко разинув крючковатый клюв и распластав по песку крылья.

Стало понятно, что произошло: змея, почувяв смертельную опасность, успела соскользнуть с песчаного обрыва вниз, а орел, не рассчитав, врезался грудью в край бархана и разбился о песок.

— Ай-я-яй!.. Как же ты так оплошал, браток? — Сухов склонился над разбившимся орлом. — Видно, молодая ты еще птаха!

С пулеметной частотой колотилось птичье сердце — это можно было заметить по трепыханию перьев под горлом. Сухов отстегнул саперную лопатку и медленно повел концом черенка над головой птицы. Орел

не отстранился. Издав сердитый крик-клекот, он вдруг перевернулся на спину и острыми когтями яростно вцепился в черенок, ударил по нему клювом.

— Ишь ты!.. — удивился Сухов и с одобрением добавил: — А ты ничего паренек... Сопротивляешься — значит будешь жить! — Он осторожно потянул черенок лопатки, высвободив его из когтей орла. — Ладно. Помочь я тебе ничем не могу, а злить не буду... Давай поправляйся, а я пошел...

Орел не мигая смотрел на него. Не было в этом гордом и извечно суровом взгляде хищника ни страха, ни боли, ни жалобы и, уж конечно, ни малейшей мольбы о пощаде.

Подмигнув орлу, Сухов пошел прочь, двинувшись по пустыне в известном только ему одном направлении.

Но не прошло и нескольких минут, как вдруг послышался какой-то шелест над головой и Сухов увидел знакомого орла, который, сначала тяжело, а потом все уверенней и уверенней взмахивая крыльями, поднимался ввысь, где восходящий поток подхватил и понес ожившую птицу к ослепительно сияющему белому солнцу...

Настроение Сухова явно улучшилось. Он был доволен, что за последние сутки полного одиночества в этой проклятой пустыне ему

удалось пообщаться хоть и с бессловесным, но все-таки живым существом.

Конечно, в пустыне, хоть она и от слова «пусто», хватало всякой живности, особенно с утра; но тушканчики, песчанки, суслики давным-давно надоели Сухову, так же как и черепахи, и скорпионы, и змеи, и прочая нерусская тварь. А жителей песков покрупнее, таких как красавец джейран, пустынный лис или волк, он, с пешего хода, даже и разглядеть не успевал — они молнией уносились за барханы, едва почуяв человека. За годы скитаний по пустыне Сухову не раз приходилось охотиться на джейранов и лакомиться вкуснейшим мясом этой антилопы, или, по-местному, газели. Но для охоты нужен был как минимум карабин, и уж совсем хорош был бы к нему в придачу — резвый скакун...

Встречу с орлом, владыкой пустынного неба, Сухов посчитал хорошей приметой и позволил себе короткий отдых. Он отцепил от ремня чайник, вынул деревянную пробку из носика, сделал скупой глоток, вставил пробку на место и, вбив ее для верности ладонью, снова приторочил чайник к поясу. Затем, присев на край бархана, разулся, вытряхнул из ботинок песок, перемотал портянки. Переобувшись, постоял, намечая направление, и двинулся дальше, как и пре-

жде, через барханы напрямик. Комкастая тень плыла за ним чуть сбоку.

— Полдень миновал, — сказал он сам себе и взглянул на огромные часы на левом запястье. Часы не шли...

От скупого глотка воды лоб Сухова покрылся быстро просыхающей испариной. Он плотнее сощурил веки, унимая жгучий блеск солнца; потом вовсе закрыл глаза, оставив перед внутренним взором багровую пульсирующую пелену. И в этой пелене увидел плывущие по течению арбузы, полуза-топленные от тяжести и блестящие, увидел широкую реку, спокойно несущую свои прохладные воды...

Улыбка скользнула по лицу Сухова; показалось, что идти стало легче, не так стала до-нимать жара. Все на Сухове висело вроде бы и небрежно, но ничего не брякало, не звенело, и шел он, не интересуясь пейзажем, потому как никакого пейзажа и не было — один песок, гофрированный, как стиральная доска. Иногда глаза Сухова приоткрывались, оглядывая окрестность: мало ли что. А воспоминания тем временем накатывались на него, все более напоминая о воде, реке, прохладе, родных краях...

...Арбузы плыли по реке спокойно, один за другим, будто специально сплавлялись вниз по течению. Один из них застрял в при-

брежной осоке. В его полосатой корке были выковыряны два отверстия. В них поблескивали чьи-то глаза, а вода перед арбузом время от времени взбулькивала от выдыхаемого воздуха. Отсюда хорошо были видны девицы и бабы, которые плескались голышом у бережка, не подозревая, что за ними подглядывают.

Внимание напавшего на голову половинку выеденного арбуза Федора Сухова более других привлекала румяная и белокожая деваха лет шестнадцати.

Выйдя из воды на горячий песок, она встряхнула волосами и вдруг, словно почувствовав чей-то взгляд, пристально вгляделась в арбуз, застрявший в осоке.

Федор весь сжался, унимая стук сердца. А сжаться было от чего: всем живущим на Волге девкам и бабам с детства была знакома эта игра — внезапно из вереницы плывущих по реке арбузов один останавливался вопреки течению, и тогда вся голая орава купающихся женщин с визгом бросалась на этот арбуз, выволакивала скрывающегося под ним парня на берег и крепко молотила. Вот тут уж он мог и на все насмотреться, и заплакаться.

Но на этот раз окликнутая товаркой деваха отвлеклась и забыла про арбуз. Она накинула на себя сарафан, и ткань прилипла

к ее мокрому телу, обозначив соблазнительные выпуклости, — картинка, которая запечатлелась в памяти Федора Сухова... Эта картинка времен его отрочества как бы предопределила встречу с Катей, единственной и незабвенной... встречу, которая несколько лет спустя также случилась на крутом волжском берегу.

Федор смиренно сидел в осоке, пока девки и бабы, белея крепкими икрами, поднимались по косогору и скрылись в кустах на береговом откосе. Малость посинев — в Волге вода редко бывает теплой, — он с шумом вынырнул и сбросил с головы арбузный шлем.

...Мимо плыла полузатопленная бочка, торчащая косо из воды; плыли, стучаясь друг о друга, доски, разный мусор...

Федор быстрыми саженками добрался до баржи, стоящей неподалеку от причала в ожидании буксира, подтянулся на руках и взобрался на дощатую палубу, нагретую солнцем. Сторожа не было — видно, ушел на берег. Оставляя на досках мокрые следы, Федор прошлепал к арбузной куче, горой поднимающейся со дна баржи. Выбрал арбуз покрупнее, расколол его ударом кулака на две сочные половинки и с наслаждением впился зубами в алую сахарную сердцевину — сок потек по подбородку.

На луговом берегу Волги виден был мужик, ритмично косящий траву, лезвие косы

взблескивало через раз. Где-то в отдалении ударил колокол — дрожащий, тягучий звук вознесся в небо...

Внезапно Сухову послышались далекие выстрелы, и он остановился, чтобы скрип шагов не мешал разобрать звуки. Ничего больше не услышав, он решил, что почудилось, и продолжил свой путь не быстро и не медленно — нормальным походным шагом, щуря покрасневшие от усталости и жары глаза. В мареве, струящемся ввысь, рождались то там, то сям картины миражей — то голубое озерко, то зеленая куца, — отвлекая его от невыносимого однообразия пустынного пейзажа. А свиток воспоминаний времен его юности все разворачивался и разворачивался...

Расталкивая льдины форштевнем, буксир притерся к причалу и под веселое зубоскальство матросов с пристани, ловивших чалки и обматывающих их вокруг кнехтов, замер на месте.

По пружинящим сходням на берег потянулись мужики и бабы с мешками и сундучками, которых «по пятаку с носа», нарушая запрет, перевозили матросы.

На кряжистом, кривоногом дядьке Савелии были полушубок, картуз и смазные, толстой кожи сапоги. Пятнадцатилетний Федор Сухов кутался в потертый армячишко,

но зато на ногах красовались «писанные лапти с подковыркою», которые ему сплел специально в дорогу его родной дед. «Лапти с подковыркою» являлись знаком высшего мастерства — в отличие от обыкновенных они украшались узорной прошвой и как бы рантом вокруг подошвы. За спиной у Федора болталась холщовая котомка, в которой лежали десяток моченых яблок и праздничная, яркого блеску сатиновая рубаша.

Федора поразил Нижний Новгород: по всему берегу, на версту и более, тянулись лавазы, склады, артельные лавки. Торговали всякой всячиной — и икрой, и рыбой, и мануфактурным товаром, и лошадьми, и коровами. Прибывший из бедной, голодной в ту зиму волжской деревушки под Самарой, Федор притих от такого изобилия.

У пристани и причалов ошивались сотни «аристократов духа» — челкашей, или галахов, как их тогда звали на Волге. Вся эта голь и босота по весне, к началу ледохода, вылезла из разных щелей, где кое-как перемогала зиму, и скатывалась к Волге-матушке, к ее пристаням и причалам. Великая река кормила всех. Одни сбивались в артели грузчиков, другие подворовывали по мелочам, третьи попрошайничали; и все были сыты, а главное, пьяны. Водки здесь истреблялось видимо-невидимо, поскольку любая работа по выгрузке или погрузке барж и па-

роходов или какая иная оценивалась одной мерой: количеством поставленных ведер спиртного.

Над лабазами и складами возвышался город, белея звонницами, золотясь куполами церквей, красуясь двух- и трехэтажными дворянскими и купеческими домами. Тянулись булыжные мостовые, по которым катили извозчики на легких пролетках, обгоняя тяжелые возы, влекомые широкогрудыми, мохноногими битюгами.

Над рекой и берегом моталась исполинская стая галок, сворачиваясь и распрямляясь, словно огромная черная простыня, заслоняя солнечный диск, простирающийся сквозь мгlistый, холодный воздух слюдяным кругом.

По реке медленно, как по небу облака, плыли льдины, но большой ледоход еще не начался.

— Со мной, Федор, не пропадешь, — сказал Савелий, хлопнув парнишку по плечу.

На берегу вопили торговки, предлагая опробовать их кушанья. Продавали горячие пироги и холодный студень в мисках, тут же в больших сковородах жарились, шкворчали рубцы (завернутые в рулет потроха), домашняя колбаса и все виды волжской рыбы.

Савелий сразу же, не торгуясь, купил круг чесночной колбасы и полковриги хлеба — Федор впился в горячую колбасу зубами.

— Устрою тебя в лавку. У меня хозяин знакомый тут... Будешь торговать помаленьку... Выучишься на приказчика... — рассуждал Савелий, пока они шли берегом к деревянной лестнице, ведущей вверх от реки в сторону булыжной мостовой. — А там, чем черт не шутит, и свою лавку откроешь... Ты ведь не то что я... Ты грамотный — недаром в приходскую школу бегал.

Федор думал теперь о невозвратном прошлом, о том, как он с ватагой деревенских мальчишек и девчонок бегал в церковно-приходскую школу за десяток верст от дома. Село, где была их школа, находилось на другом берегу Волги, и зимой они перебирались через реку по льду, а осенью и весной на лодках.

В этот вечер они не нашли хозяина лавки, знакомого Савелия. Пришлось переночевать у костра артельщиков на берегу.

А утром начался большой ледоход. По Волге, разлившейся в ширину на пару верст, а может, и больше, плыли, неслись льдины — маленькие, большие и целые ледяные поля. У берега льдины сгрудились и почти не двигались, лежа сплошной массой, а дальше, ближе к стремнине, они неслись по течению споро, налезая друг на друга, с шумом и треском.

Каждый год это движение льда на широком пространстве разлившейся реки собирало весь город на высокой набережной — отсюда на плывущих льдинах можно было увидеть все, что угодно: то на большом ледяном поле, покрытом толстым слоем снега, виднелась часть дороги с вешками и санными колеями, желтыми от навоза; то оторвавшийся от берега и подмытый половодьем сарай с привязанной блеющей козой; то конура с собакой; то поленница дров, копны сена, не говоря о вмерзших в лед лодках, баркасах...

Насмотревшись на ледоход, Савелий и Федор пошли снова к деревянной лестнице, чтобы подняться в город и разыскать своего лавочника, но тут дядька Савелий приостановился, прислушался и подошел к артельщикам, сидевшим за врытым в землю дощатым столом. Среди разной снеди на столе возвышалась, поблескивая, трехлитровая бутылка водки — четверть (четверть ведра — отсюда и название), из-за которой и шел спор: водка предназначалась тому, кто сможет по льдинам перейти на тот берег Волги, пользуясь лишь багром да своей сноровкой.

— Сейчас я у них водку заберу, — бросил Федору Савелий и с ходу ввязался в разговор. Сильно жестикулируя, пуча глаза, снял

картуз, ударил им о землю, а затем стал скидывать полушубок.

— Господа хорошие!.. — услышал Федор. — Четверть — это в одну сторону. Ставьте две... и я махну туда и обратно!

Артельщики, переглянувшись, согласились.

Савелий взял багор, подбросил в руках, проверяя увесистость, и направился к реке.

У берега лед был малоподвижным и довольно толстым — какое-то время Савелий шагал по реке, как по земле. Потом начались разводья между льдинами, вода в них кипела от стремительного течения... Савелий начал прыгать, перелетая с льдины на льдину, тыча в лед багром и им же балансируя, чтобы сохранить равновесие.

Артельщики на берегу громко приветствовали каждый удачный прыжок Савелия.

Уменьшившись в перспективе, Савелий дошел до стрежня; тут он сбавил скорость, тщательно выбирая льдину, прежде чем ступить на нее, старался сохранить равновесие, играя багром, телом...

Сухов, предаваясь воспоминаниям, краем глаза заметил, как над кромкой бархана мелькнула голова сайгака, и услышал мягкий, скорый топот убегающего животного, походивший на барабанную дробь. Взойдя

на бархан, он увидел цепочку сайгачьих следов и двинулся в том же направлении, понимая, что в жару следы животного могут привести к воде.

От верхушек барханов возникли короткие тени, похожие на треугольные флажки. Чуть пахнул ветерок, и Сухов учуял легкий запах дыма. Насторожившись, окинул взглядом горизонт — вокруг было вроде бы спокойно, но он на всякий случай расстегнул кобуру.

Две четверти водки, поблескивая, стояли на деревянном столе и отбрасывали от себя радужную тень, прозрачную и колеблющуюся от лучей весеннего солнышка. Вяленая рыба, истекая жиром, млела на столешнице, распластанная на две половинки, как раскрытая книга. Рядом в миске подтаивал застывший студень. Артельщики пили из граненых стаканов, закусывали рыбой и студнем, подбадривая криками Савелия, который, теперь превратившись в плохо различимое пятно, уже не мог их слышать.

Черная, как туча, большая стая галок развернулась во всю мощь на фоне солнца, отбросив на землю скользящую тень.

Толпа на крутых откосах берега переживала за Савелия — каждую весну кто-нибудь бросал такой вызов Волге, и каждый раз новгородцы заново переживали это событие, подбадривая смельчака криками.

Савелий, добравшись до противоположного, лугового берега, почти не был виден, но у одного из зрителей, седого дедка — бывшего капитана, — оказалась с собой подзорная труба, и он громко комментировал происходящее:

— Дошел... Дошел!.. Теперь на берегу!.. Машет багром!.. Отдыхает!..

Возбужденные зрители протискивались поближе. После продолжительной паузы дедок громко воскликнул:

— Пошел! Назад пошел!..

Постепенно Савелий начал обозначаться яснее, вот он уже допрыгал по льдинам до середины реки. Уже миновал самую стремнину. Ему осталось преодолеть меньше четверти расстояния. Совсем недалеко было сплошное поле льда, и тут разводе перед льдиной, на которой он стоял, вдруг начало увеличиваться. Савелий, широко размахнувшись, метнул багор в проплывающую перед ним ледяную глыбу и прыгнул. Но металлическое острие багра только скользнуло по заснеженному льду, и Савелий, не удержавшись, тяжело, как мешок, свалился в воду. И тут же ушел под кромку льда.

Народ на берегу охнул и разом замолк.

Артельщики так и остались стоять, кто с недоеденным куском студня, кто — с поднесенным ко рту стаканом.

Ежов В., Ибрагимбеков Р.

Е 41 Белое солнце пустыни : кинороман / Валентин Ежов, Рустам Ибрагимбеков. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с. — (Азбука-бестселлер. Русская проза).

ISBN 978-5-389-31536-5

«Белое солнце пустыни» — роман Валентина Ежова и Рустама Ибрагимбекова, выросший из сценария к одноименному фильму, который сразу после выхода на экраны приобрел статус культового, разошелся на цитаты и даже стал непременной ритуальной частью космических полетов. Картине определенно повезло в любви. Фильму уже шестой десяток лет, но не стареют его герои: обстоятельный Сухов и немногословный Саид, наивный Петруха и юная Гюльчатай, уставший от черной икры и повсеместного беззакония могучий Верещагин, хранитель музейных древностей Лебедев, Черный Абдулла со своими колоритными басмачами. Казалось бы, мы всё о них знаем. Но поверьте — это не так. Роман намного глубже и детальнее раскрывает характеры, позволяя заглянуть в предысторию и увидеть знакомые образы в новом свете. Роман «Белое солнце пустыни» — это не только захватывающий приключенческий сюжет, полный перестрелок, погонь и неожиданных поворотов, но и глубокое размышление о чести, долге, верности и человечности. История о столкновении разных культур и цивилизаций и трагической судьбе людей, оказавшихся в жерновах истории и традиции.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЕЖОВ
РУСТАМ МАМЕД ИБРАГИМ ОГЛЫ ИБРАГИМБЕКОВ
БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ПУСТЫНИ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Алиса Павлова, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.02.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 14,9. Заказ №

Иготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

